

9. Становішча беларускай мовы сярод іншых славянскіх моваў // Працы Акадэм. канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі (14-21 лістапада 1926 г.). – Менск, 1927. – С. 75–114.

10. Цыхун Г. А. Пятро Бузук і славістыка 20-30-х гадоў (штрыхі да навуковай біяграфіі) // Беларуская мова і мовазнаўства на рубяжы III тысячагоддзя: Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мн.: Права і эканоміка, 2000. – С. 198-202.

Голубева Н. Л.

ФУНКЦИЯ СЛОВА *ВСЁ* В КОНЦЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (В СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ)¹

Как известно, в устной речи по сравнению с письменной повышается роль фактора адресата – слушающего; этот фактор влияет на речь говорящего, примером чего может служить диалогичность устного монолога. Вопрос о конкретных языковых проявлениях фактора адресата в речи говорящего остается актуальным для исследования. Один из аспектов проблемы взаимодействия говорящего и слушающего – это способы вовлечения слушающего в процесс «домысливания» текста, когда говорящий «активизирует» внимание слушающего, побуждает его к деятельному участию в восприятии речи. Языковые средства такого воздействия говорящего на слушающего не всегда явны и специализированны, грамматически разнородны, наблюдения о них рассматриваются под разными рубриками. К таким средствам относится анализируемое употребление слова *всё*.

Проблеме данной статьи и анализируемого здесь явления коснулся Е. Н. Ширяев (другие описания нам не известны). Рассматривая особенности монологического повествования в разговорной речи (РР), жанр устного рассказа, Е. Н. Ширяев писал: «...В РР «чистых» монологов практически нет и всякий монолог РР по существу диалогичен. Разговорное повествование строится таким образом, чтобы слушающий не только воспринимал и понимал текст, но и вместе с говорящим строил, вернее, достраивал его. Говорящий... рассчитывает... на его творческое восприятие. Установка на творческое начало слушающего проявляется в разных аспектах... Разговорные монологические тексты по сравнению с кодифицированными текстами более имплицитны – многие смысловые связи, которые кодифицированный текст эксплицирует..., в текстах РР не вербализуются: говорящий явно рассчитывает на то, что слушающий сам обнаружит эти связи²... Характерны для разговорных повествовательных текстов намеренно незавершенные высказывания: говорящий как бы предлагает слушающему самому завершить высказывание, вовлекая его непосредственно в процесс развития текста; способ завершения высказывания строго не задан, слушающему и в этом случае предоставляется известная творческая свобода... *Он так затормозил, что все полетели с полок / там Бог знает что / багаж весь попал и всё такое*... Что стоит за выражением *всё такое*, слушающий определяет сам» (разрядка и выделение наши – Н. Г.) [7, с. 113-115].

В говоре д. Арзубиха и др. близлежащих деревень Слободского сельсовета Харовского района Вологодской области (далее – в слободском говоре – СГ) отмечается следующие примеры со словом *всё*: 1) *В банки / тожо / и марину-у-уем / и всё-о...//*; 2) *А свадьба / здесь была / списывались / здесь / всё //*; 3) *Ры-ыбы наловил дедушко у нас / дак-ъ... однако / шесть ры-ыбников пекла / вот пироги-и напекла / да всё //*; 4) *Мы тожо / сдавали экза-амены / и всё //*; 5) Об учебе доярок, о повышении их квалификации: *...Тожо / сдавали на кла-а-асность / да вот / всё //*; 6) *И спрашивали потом-м / что вот / как вот вы / что / какую помощь корове / да вот-ъ-ъ... витами-и-ины / да вот всё такое //*; 7) *Потом / мы сдава-али-и / нас спрашивали-и... / вообще / учили нас / да вот всё-о...//*; 8) *Руки / намылишь / да-а... всё-о // Тожо / ведь идут бывает / в плёнке / дак плёнку разрываешь / да вытацишь / которая / тёлочка / может... / не очень хорошенька / да и коровка бьват-ъ... / не больно такая-а-а... / чтобы она / смогла // Дак помогаёшь / всё //*; 9) *А бывает / и дореза-ают / и всё-о-о //*; 10) *Вот / которые / мушшны / ломали (церковь) / ... всё-о... / ведь старые-ти / люди / и говорили что-о / ... вообще-м... эти / умрут / нехорошей / смертью / да всё...// И правда //*; 11) *Там была церковь... Да-а / да-а / и священник был / и всё / она работала шио //*.

Для слова *всё* и его сочетаний *и всё*, *да всё*, *да вот всё (такое)* в приведенных выше и подобных им примерах характерно следующее: 1) положение в конце высказывания; 2) слово *всё* или сочетание с ним образуют отдельную синтагму; 3) эта синтагма часто произносится с повышающейся интонацией незавершенности типа ИК-6 и с продлением гласных; 4) смысл, который слово *всё* вносит в высказывание, можно выразить так: «**и всё остальное, что бывает в такой ситуации, всё характерное для нее**», «**и всё, что нужно в таком случае**». Таким образом, слово *всё* является обобщенным обозначением возможного в данной ситуации, когда это возможное не названо³.

Примеры 1-11 отличаются от предложений с обобщающим словом *всё* при однородных членах в СГ⁴: *Это вот-ъъ / свидетельство о рождении / об образовании / – это всё давали свиде... эти свидетельства были //*. Здесь слово *всё* является обобщающим для однородных членов *свидетельство о рождении*, (*свидетельство*) *об образовании*. Что же касается примеров 1-11, то в них этот ряд однородных членов или же предикативных единиц, стоящих за словом *всё*, не выражен вербально, слушающий может его лишь домысливать. Говорящий называет здесь только одно из однородных действий (состояний, событий), не конкретизируя остальные возможные действия и употребляя вместо них слово *всё*. Тем самым говорящий предоставляет слушающему возможность самостоятельно понять, что стоит за обобщением *всё*. Таким образом, слово *всё* и его сочетания в конце высказывания создают в нем недосказанность, некоторую смысловую незавершенность, возможность продолжения, открытость.

Аналогичное употребление слова *всё* отмечается и в РР: 1) *Он дает хороший запах / понимаешь? Так сказать арома-а-т / всё / цве-ет / густоту-у //*; 2) *У них вот то есть вот эта вот система / она / они / четко знают вот / вся ие... иерархия / – дед / бабка / вот там / всё-о / и у всех распределены обязанности / ну буквально как у нас // [3, с.69, 101]; 3) Э-э... это такие фелетоны какие-то он выходил / такой большой человек с пышным ба-антом / говорил / какие-то з... громкие слова-а вообще это всё / и-и... я так сказать / не испытывал /*

никакого / ну так сказать пиитета к нему //; 4) Таня сказала «мы ему позвонили / он совсем плох» / ему там ногу ампутировали/ *всё* / ну вот э... А он был директор... [4, с. 54, 102].

Возможно, что говорящий не конкретизирует и оставляет перечислительный ряд открытым тогда, когда по каким-то причинам он затрудняется продолжить перечисление или описание (забыл, не может сформулировать; например, в [6] они употребляются в воспоминаниях о событиях, отстоящих от момента речи на несколько десятилетий, и не употребляются в диалогах о современной жизни). О затруднениях говорящего свидетельствует то, что высказывание со словом *всё* в конце обычно характеризуется наличием нескольких хезитаций (пауз колебания), выражающихся в длительных паузах (они отмечены многоточием), в увеличении длительности гласных и сонорных в одном или нескольких словах высказывания, в самоперебивах и обрывах речи; нередко заполнители пауз типа *это-о...* э-э. Частотность и разнообразие пауз колебания в высказываниях со словом *всё* подтверждает такой вывод. Говорящий лишь «намекает» слушающему на то или другое и рассчитывает, что адресат самостоятельно закончит картину или ряд перечисления.

Итак, рассматриваемое в данной статье употребление слова *всё* является общим явлением как для СГ, так и для РР. Мы наблюдали его и в среднерусском (нижегородском) говоре. Для решения вопроса о том, является ли оно общерусским или локализованным, нужны дальнейшие наблюдения.

В письменной речи русского литературного языка ближе всего к слову *всё* и его сочетаниям стоят сочетания *и так далее, и тому подобное, и другие*, которые именуются цетерами⁵: «Цетерами называются образования типа *и тому подобное*», «употребляющиеся в конце перечисления для указания на то, что его легко можно продолжить, называя аналогичные предметы, явления, действия»; цетеры «находятся вне частей речи» [5, с. 7, 149]. Ср. лат. *ceterus* «прочий, остальной», (*et*) *cetera* «и прочее, и так далее» [2, с. 176].

Можно заметить, что структурные слова *и так далее, и тому подобное, и другие* построены по модели латинского выражения (*et*) *cetera* или же являются калькой с него (ср. также цетеру немецкого языка *und so weiter*).

Хотя употребление слова *всё* в конце высказывания ближе всего стоит к цетерам, однако его функция не сводится к роли цетер – оно шире, многограннее, чем цетеры, но тем не менее потенциально может выполнять и роль цетер, которая в некоторых высказываниях нивелируется, в других – выступает на первый план.

Примечательно, что устный, «некнижный», «естественный» русский язык избрал для роли цетер слово *всё*, в нем присутствует элемент преувеличения, гиперболизации, который отсутствует в выражениях *и так далее...* – они точно описывают ситуацию⁶. О склонности носителей русского языка к гиперболизации писала А. Вежицкая (она имела в виду сферу моральных оценок)⁷.

Помимо слова *всё* и его сочетаний, аналогичную функцию в РР могут выполнять и другие сочетания. Единичны примеры с выражением *то сё*: ... *Серёжа мой увлёкся / они хотят лицей / русской культуры возродить // – Н. Угу // – Вот значит / программы / то сё // Но он ещё не получил документов* [4, с. 96]. В РР интеллигенции старшего поколения отмечены сочетания (*и*) *всё такое, и всякие такие*, например в воспоминаниях Л. В. Успенского: «...Одного только комментария к Лудолльфовской... грамматике / уже вполне было достаточно для того чтобы заслужить звание доктора и профессора **и всего такого** //»; «Там вот такое это озеро луком // И вообще эта атмосфера весьма древнерусского языка там // Все же названия такие / вот и Смерди / и Недевицы там / и Холуи там есть // **И всякие такие деревни** //» [6, с. 81, 82, 83].

Важно отметить, что эти сочетания несколько раз были употреблены в рассказах-воспоминаниях и не отмечены в диалогах о современной жизни – ср.: [6, с. 81-85, 144]. Сочетания (*и*) *всё такое, и всякие такие* по употреблению и по своему составу занимают среднее положение между книжными цетерами, с одной стороны, и разговорно-диалектным *всё* в конце высказывания – с другой. С цетерами их сближает наличие в их составе местоимения *такой* (в цетерах есть местоимения *то* и *так*), с другой стороны, они содержат разговорно-диалектное слово *всё*. Что касается употребления, то выражения *и всё такое, и всякие такие* можно заменить цетерами *и так далее, и тому подобное*, слово же *всё* в конце высказывания, как правило, заменить цетерами нельзя: оно уже изменило свою функцию, стало шире, чем цетеры. Слово *всё* (и его сочетания) в конце высказывания функционируют в РР и северовосточном говоре, вероятно и более широкое распространение данного явления в русских говорах. Наблюдаются некоторые различия между РР и говором: они касаются формальной стороны сочетаний со словом *всё* и, с нашей точки зрения, не представляют первостепенного интереса – по крайней мере на данном этапе описания. Главным же является то, что сущность и функция обнаруженного явления одинаковы, едины как в говоре, так и в РР. Это явление устной речи, дискурса, отражающее стратегию говорящего по отношению к адресату речи. Рассмотренное явление может быть отнесено к структурным (дискурсивным) словам, к речевым сигналам, его можно назвать устно-разговорной (дискурсивной) цетерой.

Данное явление относится к синтаксическому уровню – к сфере устно-разговорного и диалектного синтаксиса, и в нем отразилась специфика описания диалектного синтаксиса. Современное описание диалектного синтаксиса по материалам аудиозаписей живых говоров не может не базироваться на методах, результатах и теоретической концепции описания РР. Сопряжение диалектного материала с устно-разговорным может обнаружить как диалектные синтаксические особенности, так и общие для устной речи черты синтаксиса – универсалии, изучаемые коллоквиалистикой. Рассмотренное употребление слова *всё* (и его сочетаний) в конце высказывания следует отнести, вероятно, к таким общим чертам. Что же касается специфики говора (она касается формальной стороны, то есть состава сочетаний со словом *всё*, а их сущность и функции едины), – то она лежит в пределах различий между разными языковыми личностями, говорящими на РР, и разными возрастными группами РР. Материал же говора сам по себе более един и не дает такого разброса и разнообразия, как материал РР. Думается, что при сопоставлении РР и говора на синтаксическом уровне такой результат является одним из типичных случаев.

Література

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
2. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М., 1976.
3. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995.
4. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект. – М., 1999.
5. Словарь структурных слов русского языка. Под ред. В. В. Морковкина. – М., 1997.
6. Русская разговорная речь. Тексты. – М., 1978.
7. Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М., 1982.
8. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.

Примечания

¹Данная работа стала возможной благодаря гранту РГНФ № 03-04-00470а.

²То, что говорящий рассчитывает на понимание ситуации слушающим, подтверждается примерами с репликами слушающего *Ну да, Угу* перед высказыванием со словом *всё*: 1) *А... У тети Нюси же свой дом / у неё нет этих всех вот удобств таких как у нас // – Б. Ну да // – А. Хотя дом-то хороший очень / и всё / но / поэтому-то мама конечно немножко устала / но вообще ничего //*; 3) *А. Причём / конечно все ташкентские-е / родственники / Татку любви больше чем меня // Понимаешь как // – Б. Угу // – А. Она среди них росла-а / и всё-о //* [4, с. 73, 101].

³В высказываниях, оканчивающихся словом *всё* (или же в ближайшем контексте), нередко употребляются слова *вообще, вообще, всегда* (ср. примеры 7, 9, то же характерно и для РР), – которые усиливают, подчеркивают обобщающую роль слова *всё*, установку говорящего на обобщение, на вывод или же на завершение детализации.

⁴Кроме предложений с обобщающим местоимением *всё* при однородных членах, в СГ встречаются и общерусские употребления частицы *всё*:

1) продолжение действия, процесса, состояния – *Вот так / и жили всё // Жыли / всё-о / в трудностях вообще... / И лён рвала тоже всё* и т. п.; 2) категоричность, решительность, прекращение действия – *Мы уи... / минуем его / чтобы обойти / стороной / да и всё; А вот / эти вот / года / после Сашиной свадьбы / вот не стала пить / и всё; Доярки / подоя-ат... / да молоко сдают / и всё / они пошли домой* и т. п.

⁵По-видимому, наименование «цетера» является в настоящее время окказиональным, так как оно не встречается в других словарях. В «Словаре...» [5] приведены три цетеры: *и тому подобно, и так далее, и прочее*; в нем отсутствуют сочетания *и другие, всё такое (прочее)*, которые, с нашей точки зрения, тоже можно отнести к цетерам.

⁶Действительно, в высказываниях 1-11 вместо слова *всё* точнее было бы употребить слова *что-то (что-либо, что-нибудь) другое, или нечто, или многое, или некоторое*. Можно убедиться в этом, вернувшись еще раз к вопросу о том, какой смысл вносится в высказывания 1-11 словом *всё* и сочетаниями с ним? Более конкретно его можно было бы выразить так: пример 1 – «*всё* делаем, что связано с заготовками на зиму», пример 2 – «*всё* делали, что имеет отношение к свадьбе», 4, 5 и 7 – «делали *всё*, что бывает при повышении квалификации», 6 – «спрашивали *обо всём*, что связано с уходом за коровами», 8 и 9 – «сделаешь *всё*, что нужно для того, чтобы помочь корове отелиться», 9 – «бывает *всё*, связанное с неудачным отёлом», 10 – «мужчины совершали *все* дела безбожников и атеистов»; «их постигнут *все* наказания, посылаемые за кощунство». Однако очевидно, что вряд ли можно осуществить все возможные виды заготовок на зиму, но лишь *многие* из них (пример 1); вряд ли могут случиться все возможные осложнения при отеле (8 и 9); вряд ли атеисты совершили все дела безбожников, а скорее – *некоторые* из известных (10); вряд ли старые люди утверждали, что безбожников могут постичь все возможные виды наказаний за кощунство, скорее – *различные другие* наказания из известных (11) и т. д. Сказанное убеждает в том, что слово *всё* употребляется в примерах 1-11 не в своем прямом значении, но является преувеличением.

⁷Ср.: «...Русские... эмоциональны и склонны к крайностям при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения... Русская... речь отдале предпочтению гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных, и в частности моральных. Такая же любовь к категорическим моральным суждениям, конечно же, является отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души» (разрядка наша – Н. Г.) [1, с. 83].

Гоменюк Г. А.

МЕТАФОРА В СТРУКТУРЕ ОБРАЗНОГО СКЛАДНИКА КОНЦЕПТУ ГНІВ

Для сучасної лінгвістики актуальні дослідження в галузі концептуального аналізу вербалізації емоцій. Лінгвісти В. М. Телія, Н. Д. Арутюнова, Н. О. Лук'янова, С. Г. Воркачев, В. І. Шаховський, М. О. Красавський, Г. Вежицка та ін., особливу увагу приділяють емоційним концептам, що походять «до архетипічних основ у мовній свідомості людини та відображають специфіку національної концептосфери» [2, с. 128]. Наше дослідження спрямоване на вивчення концепту ГНІВ в англомовному дискурсі. Об'єктом вивчення постають дискурсивні фрагменти, в яких вербалізується емоція гніву. Предметом дослідження є метафоричні номінації концепта ГНІВ в англомовному дискурсі. Актуальність роботи визначається необхідністю вивчення даного емоційного концепту, як одного з базових складників емоційної картини світу.

Метою даної статті є аналіз базових метафор, які представляють образну складову концепту ГНІВ в англомовному художньому дискурсі, що являє собою одну з перших спроб подібного дослідження.

Матеріалом для аналізу слугували 550 фрагментів англомовного художнього дискурсу.

Емоційна концептосфера є сукупність емоційних концептів. Як вважає С.Л. Фесенко, емоційний концепт – це «вербалізований, оцінно маркований образ фрагмента концептуальної картини світу» [6, с. 66]. М. О. Красавський дає таке визначення емоційним концептам – це «кванти»структурованого знання про емоційне життя індивіда, які знаходяться один з одним у складних структурно-семантичних та функціональних відношеннях [5, с. 50]. «Емоційна концептосфера знаково оформлена переважно вторинною номінацією (метафора, метонімія)... Вторинні номінації є процес і результації оцінкової переосмислення вже існуючих мовних сутностей» [4, с. 104]. На думку Н. Д. Арутюнової, щоб отримати цілкове уявлення про конкретний концепт емоції, необхідно розглянути, крім самого терміна емоції, весь діапазон слів і висловлювань, що мають відношення до концепту, що вивчається, включаючи метафори, метонімії, ідіоми та ін. [1, с. 96] Система концептуальних метафор є необхідним елементом структури емоційного концепту. Метафора – «троп або механізм мовлення, який складається у вживанні слова, що позначає деякий клас предметів, явищ і т. п., для характеристики або найменування об'єкта, що входить в інший клас, або найменування іншого класу об'єктів, аналогічного даному в будь-якому відношенні» [1, с. 96].

Концептуальна метафора виступає засобом пізнання, тому що «наша концептуальна система, за допомогою якої ми мислимо й діємо, істотно метафорична» [8, с. 3]. Основна функція концептуальної метафори, таким чином, полягає в тому, щоб прояснити складні абстрактні моделі, якими, зокрема, є й емоції. За твердженням Дж. Лакоффа, емоції – «не просто якісь почуття, у яких відсутній який-небудь концептуальний зміст. Людина не тільки відчуває або почуває щось, вона намагається зрозуміти й пояснити, що вона відчуває, і тому, коли люди діють – відповідно до зазначених емоцій, вони діють на підставі того, як вони розуміють ці емоції» [9, с. 377].

Емоційні концепти – це абстрактні концепти, основані на цілком реальних «тілесних відчуттях», і гнів, маючи багату концептуальну й категоріальну структуру, виявляє собою наочний приклад емоційного концепту.